

МИНЕРВА
СПЕНСЕР

*Влюбленный
капитан*

РОМАН

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

C71

Серия «Очарование» основана в 1996 году

Minerva Spencer

SCANDALOUS

Перевод с английского А. Дамбис

Компьютерный дизайн Э. Кунтыш

*В оформлении обложки использована работа,
предоставленная агентством Fort Ross Inc.*

Печатается с разрешения Kensington Publishing Corp
и литературного агентства Andrew Nurnberg.

Спенсер, Минерва.

C71 Влюбленный капитан : [роман] / Минерва Спенсер ;
[перевод с английского А. Дамбис]. — Москва : Изда-
тельство АСТ, 2026. — 352 с. — (Очарование).

ISBN 978-5-17-175646-8

Сара Фишер всю свою жизнь прожила в маленькой африканской деревушке, где помогала родителям нести христианскую веру туземцам.

Мартен Бушар большую часть жизни провел в море, пытаясь убежать от собственного прошлого. Благочестивая миссионерка и заносчивый пиратский капитан никак не должны были встретиться, но когда голландские работорговцы похитили всех жителей деревушки вместе с Сарой, именно Мартен спас девушку из плена.

Суверенные матросы боятся присутствия женщины на борту, но с каждым днем Сара все сильнее завоевывает доверие команды и все больше занимает мысли и чувства капитана. Но возможно ли вообще будущее, в котором пират и миссионерка будут вместе?

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

© Minerva Spencer, 2019

© Перевод. А. Дамбис, 2025

© Издание на русском языке AST Publishers, 2026

ISBN 978-5-17-175646-8

Посвящается Брентли, моему любимому мужу

Глава 1

*1816 год, Золотой берег, Африка
На борту «Золотого серпа»*

Мартен побарабанил пальцами по блестящему деревянному лееру, глядя на голландский корабль. Судно было с наветренной стороны и слишком далеко, чтобы унюхать вонь, но Мартен мог себе ее представить. Впрочем, жалкие крики рабов были слышны даже с такого расстояния.

С тех пор как несколько лет назад, в 1808-м, американцы и англичане запретили ввоз рабов, грязная работорговля стала прибыльной как никогда. В южных штатах хорошо платили за контрабандный живой товар, так как не могли обходиться без рабской силы, о чем Мартен, увы, знал лучше других.

Он повернулся к первому помощнику и спросил по-английски, а не на своем родном французском:

— Сколько человек команда, Бовиль?

Несколько лет назад, когда Англия пожаловала ему каперское свидетельство, которое позволяло частным образом вести торговлю на море, он задался целью лучше овладеть английским языком.

Бовиль опустил подзорную трубу:

— Не больше сорока, капитан, и, похоже, они то ли пьяны, то ли плохо обучены.

Мартен рассмеялся над сухой оценкой своего подчиненного и направился туда, где его второй помощник стоял у руля.

— Готовьте людей, Даниелс, и будьте готовы к переговорам.

Хоть у голландского корабля и была повреждена мачта, по его виду было ясно, что он в хорошем состоянии и значительно чище, чем большинство рабовладельческих судов. Корабль самого Мартена, «Золотой серп», тоже принадлежал рабовладельцам до того, как его захватил Мартен, но теперь на нем царили чистота и порядок. Он с гордостью оглядел безукоризненно надраенную палубу. С командой из семидесяти человек и четырнадцатью пушками «Серп» значительно превосходил голландский бриг и был силой, с которой приходится считаться.

Однако зазнаваться не следовало. Если «Синяя птица» нагружена до предела — пятьсот душ, речь идет о немалых деньгах. Ситуация может обостриться, если капитан голландского корабля решит сражаться за свой груз. Мартен был уверен, что выйдет из схватки победителем, но понимал, что это дорого ему обойдется.

А на голландском корабле началась бурная деятельность — матросы носились по палубе, словно стайка перепуганных куриц, с дюжину человек стояли рядом с главной мачтой и отчаянно посылали жестами сигналы друг другу, причем некоторые были вооружены мачете. Мартен покачал головой: что-то здесь не так.

Рядом с ним возник Даниелс:

— Все готово, капитан, ждем ваших приказаний.

Мартен повернулся к Дженкинсу, своему слуге, и тот показал ему два пистолета для проверки. Тщательно проверив оружие, Мартен убрал его в кобуру, которую носил на правом бедре (на левом была рапира). Он сам разработал эту портупею, так чтобы можно было выхватить любой из трех предметов оружия легко и непринужденно.

Он взглянул в большое зеркало, которое держал перед ним Дженкинс, и смахнул воображаемую пылинку с безупречного сюртука, не спеша поправил шейный платок, стараясь, чтобы его движения выглядели так, будто ему ужасно скучно и он делает то, что должен, по необ-

ходимости. Команда наблюдала за ним со смешками, но в то же время с гордостью. Мартен знал, что его репутация холодного безжалостного убийцы, которого больше волнует шейный платок, чем чья-то или его собственная жизнь, придавала им сил.

Сказать по правде, у него внутри все завязалось узлом не меньше, а может, и больше, чем у любого на его корабле. Если сегодня кто-нибудь погибнет, вина будет на нем. Хоть это и не слишком мучило его совесть — загробевшую и измельчавшую, — его гордость была сыта и здорова, и он не мог позволить себе демонстрировать неудачные решения.

По мановению руки Мартена Дженкинс унес зеркало. Даниелс неодобрительно поджал губы. Поведение хозяина шокировало молодого человека, хоть он и прослужил у него вторым помощником почти год, а капитана забавляло его раздражение.

— Начинайте переговоры, мистер Даниелс.

— Есть, капитан!

Второй помощник развернулся, подал знак мичману, и в следующую секунду загрохотала одна из пушек «Серпа». Спустя всего пару секунд, едва дым начал рассеиваться, вверх по мачте голландского корабля пополз черный флаг.

Мартен с облегчением выдохнул: они готовы к переговорам.

— Отличный выстрел, джентльмены, и очень убедительный. Бовиль, пожалуйста, сопроводите их капитана в кают-компанию, когда он прибудет. — Мартен отстегнул португепю и, передав Дженкинсу, посоветовал, направляясь к трапу: — Пока не разряжай пистолеты.

Оказавшись у себя в каюте, он бросил шляпу на стол и рухнул в кресло с высокой спинкой, постаравшись при этом не помять полы сюртука.

Чрезмерная забота о внешнем виде не была надуманной: он действительно любил модную шикарную одежду. Будучи молодым рабом в Новом Орлеане, Мартен всегда

завидовал богатым, щегольски одетым посетителям борделя мадам Шантель и поклялся, что когда-нибудь, когда у него появится такая возможность, станет одеваться еще лучше. Теперь он был достаточно богат, чтобы носить то, что ему угодно, а угодно ему было все самое лучшее.

Он в задумчивости изучал свое отражение в зеркале над столом, нахмурившись при виде человека, который смотрел на него с той стороны. Никто бы не принял его за европейца, какими бы светлыми ни были его глаза и волосы. Хоть его кожа и была светлее, чем у любого из пленников на голландском корабле, Мартена бы точно так же продавали и покупали, окажись он снова на американской земле. Больше того, если он вернется домой, ему будет грозить смерть — обычное наказание для беглого раба.

Мартен задвинул непрошеную мысль на задворки сознания и рассеянно открыл книгу, но тут же пожалел об этом. Черные закорючки плясали на странице, непонятные и издевательские. В Америке обучать раба грамоте считалось преступлением, а оказавшись на свободе, Мартен был уже слишком взрослым, чтобы учиться.

Он мог написать или прочесть лишь свое имя: Мартен Этьен Бушар, — но и оно не вполне ему принадлежало, он сам собрал его по кусочкам из разных источников.

Имя Мартен он взял из сказки о Мартене Гаратузе, легендарном плуте, которую слышал в детстве, а остальное — Этьен Бушар — добавил позже, позаимствовав имя у старика, который научил его всему, что он знал о лошадях. Почему бы и нет? Старина Бушар к тому времени уже скончался, так что имя ему было ни к чему.

Мартен шумно захлопнул книгу и вернул на полку. Большая часть книг на «Серпе» досталась ему вместе с кораблем, но кое-что подарил его наставник, Одноглазый Стендиш, который, к счастью, не знал, что он не умеет читать.

Мартен нахмурился. Мысли о позорном прошлом посещали его лишь в минуты усталости, когда не хватало

сил держать воспоминания в узде, или в минуты волнения. Он по-прежнему не находил себе места, когда захватывал чужой корабль. Но скоро все закончится.

Он встал и, расстегнув золотые пуговицы суконного сюртука, снял его и повесил на спинку стула. Когда с переговорами будет покончено, он вернется во Фритаун, освободит пленников, передаст преступников властям и получит награду — иными словами, займется привычным делом, так что поводов для волнения нет.

Мартен взглянул на вычурные золотые настольные часы: до прихода капитана с вражеского судна для переговоров оставался еще по меньшей мере час. Можно отдохнуть и наконец-то вздремнуть после бессонных ночей, проведенных в погоне за работником.

Успокоенный приятными мыслями о будущем, Мартен растянулся на роскошной кровати, закрыл глаза и принялся фантазировать, как повеселится, когда получит деньги за захваченный корабль.

Тем временем на «Синей птице» Сара закончила перевязывать мальчику сломанную руку лоскутом грязной ткани от юбки, использовав вместо шины жесткий кусок кожи от потертой сумки с медикаментами, когда люк трюма, где держали рабов, открылся и в темное помещение спустили веревочную лестницу.

— Женщина! — раздался из узкой щели гортанный голос.

Сара прищурилась и подняла глаза, но яркий свет не давал разглядеть лицо говорившего.

— Капитан требовать, сейчас, — распорядился человек по-английски с таким сильным акцентом, что Сара едва разобрала слова.

— Тут женщину надо похоронить! — отозвалась она по-французски, покосившись на молодую мать, которую не смогла спасти, та лежала между корабельными ребрами в грязи и сырости.

— Идти сейчас!

Сара вздохнула, мысленно вознесла молитву Всевышнему и поползла по занозистому дощатому полу к лестнице, перебираясь через тесно лежащие тела. То, что осталось от ее промокшей юбки, волочилося за ней следом, цепляясь за каждую щепку и вдвое растягивая короткий путь. Когда она уже тянулась к раскачивающейся лестнице, кто-то схватил ее за руку. Это был Феми, пленник, с которым она познакомилась за время адского трехнедельного перехода из глубины материка в портовый город Уида.

Сара замерла, и Феми, приблизив к ней лицо, прошептал на наречии йоруба:

— Если сумеешь открыть люк, хоть на несколько секунд, мы будем готовы. — Он взглянул на щель в люке, жмурясь от яркого света. — Может, ночью тебе удастся пробраться украдкой... после.

Он мрачно улыбнулся и пожал исполинскими плечами. Они оба понимали, о чем он. Зачем еще этим чудовищам вызволять женщину из трюма?

Он чуть сжал ее локоть:

— Но если получится...

Они молча смотрели друг на друга в полумраке, слова больше не были нужны.

За то время, что они провели в этом пекле, две женщины не вернулись, исчезли.

Сара коротко кивнула и начала мучительно взбираться вверх по лестнице. С каждой ступенькой все сильнее ломало мышцы, она уже решила, что не выберется, но тут грубые руки вытянули ее наверх. Мужчины возмущались, зажимая носы: такая от нее исходила вонь, и стонали от натуги, пока тащили ее наверх вместе с намокшей одеждой. Но вот, наконец, в лицо ей ударил ослепительный солнечный свет, и тут же нос к носу она столкнулась с открытым шрамами небритым лицом.

— Ты лечить капитан!

Сара, в свою очередь, отшатнулась: вонь от перегара и гнилых зубов была нестерпимой, даже перебивала ми-

азмы трюма. Она бы рухнула в обморок, если бы мужчина не дернул ее со всей силы за руку, а потом не потащил вниз по короткому трапу в полутемный узкий коридор.

Ее подвели к дальней двери, и ее провожатый заколотил в дверь кулаком.

— Капитан!

Из-за красивой двери красного дерева, окованной медью, донесся спокойный отклик, и притащивший ее матрос что-то пробормотал по-голландски, втокнул ее внутрь и захлопнул дверь.

Впервые увидев капитана, Сара была поражена, насколько он молод: не старше двадцати пяти, хрупкого телосложения, светловолос и всем своим обликом очень напоминал ангелов из религиозных книг ее отца.

Поняв, что он болен — слишком серьезно, чтобы на дне водянисто-голубых глаз можно было отыскать хоть малейший намек на плотские желания, — она испытала облегчение.

Он встал и, указав на стул напротив своего, сказал на почти безупречном английском:

— Прошу, садитесь.

Когда Сара проходила мимо, он зажал нос и рот ладонью, уловив вонь трюма:

— Спасибо, что пришли.

Сара села и, скрестив руки на груди, фыркнула.

Улыбка капитана дрогнула от этого грубого звука.

— Я Миз Грааф, «Синяя птица» принадлежит моей семье. Мне сказали, что вы умеете лечить и... — Он согнулся пополам от яростного кашля.

По всему телу Сары при виде его страданий разлилось мрачное удовлетворение: так и должно быть. Тот, кто причиняет кому-то боль и несчастья, и сам не избегал боли.

Перед мысленным взором Сары возникло доброе усталое лицо отца, и улыбка застыла у нее на губах. Священник Майкл Фишер сказал бы, что человек, настолько порочный, что готов торговать живым товаром, заслуживает

скорее жалости, чем гнева. «Всегда помни: мы не для того живем на этой земле, чтобы кого-то судить».

Воспоминание о словах отца прогнало у нее из головы мысли о мщении, и она устыдилась их. Она ведет себя глупо. Вместо того чтобы поддаваться гневу, следовало собрать все свои мысли и пустить на то, чтобы открыть как-нибудь люк в трюм.

Она оглядела больного: похоже, он ее единственный шанс, так что ни к чему с ним ссориться.

Кашель ненадолго оставил голландца в покое, и он выпрямился на своем стуле, медленно и осторожно, словно глубокий старик.

— Прошу прощения, мисс, э-э...

— Фишер. Сара Фишер.

Капитан, словно прочел что-то у нее на лице, нахмурился:

— До недавнего времени я не знал, что вы были в трюме. Прошу прощения за то, что вам пришлось перенести такое недостойное обращение. У вас будет каюта, и отныне к вам будут относиться как к моей гостье.

— А остальные?

Голландец наморщил красивый лоб:

— Не понял?..

— Остальные люди у вас в трюме — что будет с ними?

Капитан отшатнулся: в ее словах сквозила такая ярость. Взгляд заметался, словно в поиске ответов, по комнате, и без того болезненно-алые щеки еще пуще покраснели.

— А, это... Это не мое — я даже их не собирался покупать... — Он умолк и, прерывисто вдохнув, зашелся в новом приступе кашля.

Сара раздраженно фыркнула и встала на ноги:

— Дайте мне руку.

Все еще сотрясаясь от кашля, капитан с тревогой взглянул на ее грязную ладонь.

— Вы хотите, чтобы я вам помогла?

Он протянул к ней бледную тонкую чистую руку.

Сара взяла ее в свою: пульс был неровный и учащенный, а кожа — горячая и влажная, потом заявила:

— Я должна вас осмотреть: ваши уши и рот.

Голландец наклонился, и Сара взяла его ангельски чистое лицо в свои грязные ладони и запрокинула вверх, подставляя под лучи солнца, проникавшие через иллюминатор.

— Откройте рот и нажмите пальцем на язык.

Он подчинился, и Сара, хорошенько его осмотрев, увидела страх в его глазах и солгала, молясь про себя:

— У вас удушливая лихорадка.

— Удушливая лихорадка, — в ужасе повторил капитан. — Это лечится?

Было больно видеть затеплившуюся у него в глазах надежду, несмотря на то что он заслужил свои муки.

— Поможет только шип Спасителя! — Сара мысленно взмолилась о прощении за эту чушь, но успокоила себя, что это во благо, а ложь во благо и не вред вовсе. Отчаянные обстоятельства, в которых она оказалась, должны объяснить содеянное и дать надежду на прощение.

— Шип Спасителя? — повторил Грааф.

— Да, очень редкое растение. — «Настолько редкое, что его вообще не существует в природе».

— Где его можно найти?

Сара надеялась именно на этот вопрос.

— Ну... в болотах у побережья.

Необходимо сделать так, чтобы корабль пристал к берегу: это единственная надежда для нее и тех, кто заперт в трюме, если, конечно, удастся открыть люк.

Сара отмахнулась от этой мысли. Всеу свое время.

Пока капитан раздумывал над ее словами, она оглядела каюту. Над письменным столом висела пара дуэльных пистолетов, так причудливо изукрашенных, что с трудом верилось, будто они настоящие. Она как раз обдумывала способы их заполучить, когда всю комнату сотрясло от звука тяжелого удара.

Сара вскочила на ноги:

— Что это было?

Голландец мрачно посмотрел на нее:

— Это, мисс Фишер, пушечный выстрел.

Глава 2

— Пушечный выстрел? — повторила Сара, и ее слова повисли между ними, словно дымовое облако.

Грааф изрыгнул какие-то проклятия по-голландски и бросился к двери:

— Я мигом.

Он захлопнул дверь, в замке щелкнул ключ. Значит, он не настолько отвлекся, чтобы забыть запереть за собой дверь.

Сара дождалась, пока его шаги затихнут, и только тогда кинулась к пистолетам, но споткнулась о вымокшую юбку и, налетев на тяжелое кресло тикового дерева, пробормотала:

— Проклятье!

Поднявшись на цыпочки и сняв со стены пару пистолетов, она открыла их затворы и чуть не разрыдалась от облегчения: оружие было настоящим.

— Спасибо, спасибо, спасибо! — выдохнула она лихорадочно.

Сунув по пистолету в карманы рваной юбки, она принялась рыться в ящиках и на полках. Руки так тряслись, что она роняла на пол предметы одежды, книги и прочие вещи. Уже решив было, что все напрасно, она, наконец, обнаружила лакированную шкатулку. Внутри был порох, свинцовые пули и углубления в форме пистолетов, обтянутые красным шелком.

— О, слава богу! — всхлипнула Сара, опускаясь на пол и принимаясь заряжать пистолеты.

У ее отца имелся древний пистолет, и как-то раз, когда три льва напали на деревню, отец научил ее заряжать и чистить оружие. Хоть этот пистолет и был более изысканным, но по сути мало отличался от того.

Зарядив второй пистолет, она сунула его за пояс и убрала остаток пороха и пули в карман порванной нижней юбки. Едва она успела пристроиться у двери и взвести курок, как в замке снова шелкнул ключ.

Растерянный вскрик, сорвавшийся с губ Граафа, когда дуло его собственного пистолета коснулось виска, был музыкой для ушей Сары.

— Пистолет заряжен, и я без колебаний пушу его в ход. — Ни голос, ни рука ее не дрогнули, чем Сара гордилась. — А теперь садитесь.

Капитан, безвольно ссутулившись, сел.

— Чего бы вы ни хотели от меня, вряд ли вы это получите. Тот пушечный залп был произведен пиратом, который следовал за нами.

— Вы сказали — пиратом? — Сара крепче вцепилась в пистолет, и голландец скривился, во все глаза глядя на ее руку.

— Да, но не простым: он имеет разрешение от британского правительства на захват чужих кораблей именем короля. У корабля такого пирата не только преимущество в оружии: не сомневаюсь, что старший помощник начал подбивать матросов на бунт, когда я велел готовиться к переговорам. — Голландец закрыл глаза и помотал головой. — Люди недовольны. Никто из них не хотел служить работорговцу. Это все Геккерен, старший помощник, который втянул нас во все это. Но теперь, когда... — Грааф открыл глаза, но, видимо, не нашел во взгляде Сары сочувствия, поэтому протянул к ней руки, то ли успокаивающе, то ли умоляюще. — Прошу вас, мисс Фишер, вы должны мне поверить: это не я занимался работорговлей.

— Мне плевать! — процедила Сара сквозь зубы, едва удержавшись, чтобы не пристрелить Граафа за то, что вздумал себя жалеть, когда у него под ногами гибнут люди. — Мне плевать, кто так решил! Вы хоть осознаете, что разрушили нам всем жизнь? Из-за вас люди мучаются и погибают, но у вас есть шанс помочь покончить с этим